

МОЙ ХОККЕИСТ

ЧУЖАЯ ФАМИЛИЯ

Милана Седина
Юнона Стангард

Юнона Стангард

Мой хоккеист. Чужая фамилия

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккеист. Чужая фамилия / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Марк Северов сменил фамилию, клуб и жизнь. Только его отец, хозяин хоккейной империи, не собирается отпускать сына: иск на пятьсот миллионов, угроза дисквалификации и приказ сломать любого, кто встанет рядом. Я, спортивный адвокат Таисия Воронова, как раз из тех, кто не отходит в сторону. Моя задача — вернуть Марку право играть. Не влюбляться в его ярость, не таять от скупой заботы, не ждать его после каждого матча. Но пока я отбиваю удары в судах, он сражается на льду и закрывает меня собой. Теперь под угрозой не только его карьера: люди Боголюбова уже ломаются в мое бюро. Отступить — значит отдать ему Марка. Остаться — поставить на кон всё, включая собственное сердце.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой хоккеист. Чужая фамилия

Мой хоккеист. Чужая фамилия
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Черная октябрьская вода Москвы-реки за панорамным окном моего кабинета на Фрунзенской набережной казалась застывшей ртутью. В ней дрожали тяжелые маслянистые отражения чугунных фонарей и длинные неоновые полосы Крымского моста. По стеклу хлестал косой дождь вперемешку со снегом — первый холодный спазм наступающей московской зимы, размазывающий свет фар по мокрому асфальту.

На настольном календаре темнело: октябрь 2025-го. Я стояла у подоконника, не зажигая верхний свет. В полумраке просторной приемной мерцал зеленый огонек ноутбука, выхватывая угол массивного дубового стола, за которым тридцать лет работал мой отец. На полированном дереве лежала папка с золоченым тиснением «Боголюбов Металл».

Рядом лежал свежий лист с синим штампом Арбитражного суда Москвы. Исковое заявление. ХК «Столичные Леопарды» против Боголюбова Марка Глебовича.

Пятьсот миллионов рублей. Астрономическая, показательная цифра. Неустойка за односторонний разрыв контракта, признание игрока нелегитимным свободным агентом и пожизненный запрет на выступление в КХЛ без выкупа прав клубом родного отца. В нижнем углу белела подколота скрепкой визитка начальника службы безопасности Воропаева с небрежной припиской от руки: «Таисия Сергеевна, не лезьте в дела семьи. Ваш отец был умным человеком — будьте умнее его».

Я провела пальцами по плотной тисненой бумаге. Мой отец защищал спортивные профсоюзы в дикие девяностые, когда за отказ от кабалы взрывали машины. Он ушел два года назад с чистой совестью и безупречной репутацией в судах. И эти господа решили, что его дочь испугается записки отставного силовика на побегушках у металлургического барона?

Защищенный телефон на столе резко завибрировал. Звонила Полина, моя младшая помощница:

— Таисия Сергеевна! Я на парковке у катка в Сокольниках. Освещение отключено почти везде, свет горит только над служебным въездом. Туда влетел «Гелендваген» без номеров. Северов внутри. Местный дежурный говорит, парень крушит борта два часа подряд, высадил целую коробку шайб. Охраннику он прямо бросил: если адвокат не появится через полчаса, он швырнет форму в котельную и навсегда уедет из страны.

— Пусть попробует, — отозвалась я, застегивая пуговицы шерстяного жакета. — Выезжаю. Никого к арене не подпускай, стой на виду.

Я взяла записку Воропаева и опустила в приемную щель шредера. Стальные ножи смолотили угрозу в мелкую бумажную пыль. Достав из сейфа бланк адвокатского ордера, я убрала его в кейс и спустилась на подземную парковку.

На выезде дорогу перегородил опущенный шлагбаум. Старший смены ЧОПа постучал костяшками в мое водительское стекло:

— Таисия Сергеевна, выезд заблокирован до утра. Внеплановая проверка противопожарной системы.

Я опустила стекло на три сантиметра и зафиксировала лицо охранника холодным, прямым взглядом:

— Ваша фамилия, номер жетона? Статья 127 Уголовного кодекса: незаконное лишение свободы группой лиц по предварительному сговору с использованием служебного положения. Вон на том пилоне закреплена камера «Безопасного города» с прямым доступом прокуратуры. Либо шлагбаум поднят через три секунды, либо следующий разговор вы ведете с нарядом Росгвардии, который я вызываю прямо сейчас.

Чоповец заметно побледнел, скосил глаза на объектив под потолком и торопливо бросил в рацию:

— Первый, поднимай стрелу. Срочно.

Мой седан вылетел на мокрый асфальт Садового кольца.

Полина докладывала через гарнитуру: юристы Боголюбова направили факс в дисциплинарный комитет лиги, требуя дисквалификации. Завтра в девятнадцать ноль-ноль на Ходынке — домашний матч «Северных Волков» против «Сибири». Если лига заблокирует Марка в электронной системе и не выпустит на раскатку, сезон для него закрыт.

— Не закроют, — отрезала я, перестраиваясь в левый ряд и вдавливая педаль газа. — Марк больше не Боголюбов. Три дня назад Замоскворецкий отдел ЗАГС зарегистрировал перемену имени. Теперь он — гражданин Марк Глебович Северов. Фамилия матери. Смена фамилии сама по себе долги не отменяет. Но клуб уже зарегистрировал его переход, а холдинг пытается выдать свое требование за судебный запрет. Вот эту подмену мы и разобьем.

Старый дворец в Сокольниках тонул в осенней темноте липовых аллей. Полина ждала меня у металлической двери служебного входа. Звонок директору комплекса — и седой вахтер молча отпер массивный замок.

Специфический запах хоккейного дворца ударил в лицо сразу: сухой морозный озон, терпкий аммиачный дух холодильных компрессоров, мокрая резина дорожек и свежесрезанный машиной лед. Огромная чаша тонула в полутьме под двумя тусклыми софитами.

На дальней скамейке запасных сидел человек.

В черном тренировочном свитере без нашивок, с мокрыми темно-русыми волосами, он упирался локтями в колени, сжимая рукоять карбоновой клюшки. На правой скуле багровел свежий рваный кровоподтек, на переносице белел старый кривой шрам — след чужого конька. Он даже не шелохнулся, когда стук моих каблуков разнесся эхом под сводами пустой арены.

— Вы опоздали ровно на четыре минуты, адвокат, — глухо бросил он, не поднимая головы. В его низком голосе гудело глухое бешенство затравленного, но готового перегрызть глотку волка.

— Я приехала точно в срок, Северов, — спокойно ответила я у открытой калитки борта. — А вам пора научиться вежливо здороваться с единственным человеком в этом городе, который завтра вечером спасет вашу карьеру.

Марк медленно поднял голову. Темные, почти угольные глаза встретили меня колючим взглядом. Метр девяносто роста, тяжелый костяк силового центра, мощный разворот широких плеч, бугрящиеся мышцы предплечий в белом тейпе и сбитые костяшки пальцев. На переносице белел давний след чужого конька, а рассеченная скула подчеркивала упрямый подбородок. В каждом его движении сквозила собранная повадка элитного центрфорварда, сочетающего взрывную мощь с цепким и расчетливым взглядом снайпера.

Он перешагнул борт и толчком лезвий скользнул ко мне, обдав туфли веером колючей ледяной крошки:

— Отец уже предложил вам процент от отступных? Сколько стоит ваше молчание, Воронова? Назовите цифру, я не обижусь.

Я не отступила ни на шаг. Положила кейс на пластиковый поручень, щелкнула замками и вынула бланк ордера:

— Если бы меня интересовали подачки вашего отца, Марк Глебович, я бы прямо сейчас пила шампанское в его пентхаусе, а не дышала аммиаком в третьем часу ночи. Мой отец выигрывал суды у министров, а я ставлю на место олигархов. Ваш отец пытается купить то, что не имеет ценника: ваше право играть и память вашей матери, чью фамилию вы вернули. Хотите драться — подписывайте. Хотите скулить и сдаться — ползите обратно в золотую клетку «Леопардов». Дверь открыта.

Под темным куполом арены повисла наэлектризованная тишина. Пар от нашего дыхания смешивался в воздухе. Я видела, как дрогнул его взгляд: подозрительность сменилась жестким признанием равной силы. Он привык, что вокруг отца все ломаются. Я ломаться не собиралась.

Марк зубами сорвал крагу с правой руки, сбитой до костяшек. Взял мою перьевую ручку, прижал бланк к плексигласу ограждения и размашисто, с нажимом расписался: «Марк Северов».

— Завтра в девятнадцать ноль-ноль дебютный матч на Ходынке, — произнес он, глядя мне прямо в зрачки. — Если меня не внесут в стартовый протокол — я разнесу судейскую комнату в щепки.

— Вы завтра выйдете на лед в первом звене и сделаете свою работу — забьете победную шайбу, — убирая ордер, твердо ответила я. — А судейскую комнату и регламент лиги оставьте мне. Каждый должен воевать своим оружием.

Холодный сквозняк из вентиляционной шахты заставил мои плечи дрогнуть. Северов заметил это мгновенно. Перегнувшись через борт, он снял со скамьи свой тяжелый клубный бомбер с белым полярным волком и широким уверенным жестом набросил мне на плечи.

Сухое тепло, запах мороза и терпкого мужского парфюма мгновенно окутали меня, отрезая от промозглой сырости арены.

— Не замерзай раньше времени, адвокат, — негромко сказал Марк, и в его голосе впервые проступила скупая мужская забота. — Завтра нам обоим понадобится очень ясная голова.

Первый пакт был заключен.

* * *

«Мегаспорт» на Ходынском бульваре гудел, словно растревоженный гигантский улей. До матча оставалось сорок минут, трибуны заполнялись тысячами болельщиков. В воздухе стоял плотный коктейль из запаха свежего кофе, попкорна и нагретого резиной льда. Но главный бой вечера разворачивался в бункере арены — за стальными дверями судейской инспекции.

Главный инспектор матча Ковалев, тучный чиновник с побагровевшим лицом, судорожно листал распечатки регламента. Напротив него в глубоком кресле вальяжно расположился адвокат Шаров — старший партнер юридического департамента холдинга «Боголюбов Металл» в безупречном костюме от Brioni.

— Таисия Сергеевна, ну поймите по-человечески, — вытирая платком лысину, бормотал Ковалев. — Официальное предписание дисциплинарного комитета лиги. Хоккеист Боголюбов заявлен с нарушением статуса свободного агента. Я обязан исключить его из протокола.

— Хоккеист Боголюбов сегодня на лед не выходит, — ледяным тоном отчеканила я, выкладывая веером нотариально заверенные свидетельства. — В стартовой заявке «Северных Волков» значится гражданин России Марк Глебович Северов. Паспорт выдан три дня назад. Переход зарегистрирован, а судебного запрета на участие игрока в матче у вас нет. Старую фамилию в документах мы уточнили официально.

Шаров усмехнулся:

— Смена фамилии — примитивный детский фокус, коллега. Два часа назад мы подали экстренное ходатайство в Арбитражный суд об аресте трансферной карты игрока. Если клуб рискнет выпустить его на ледовую площадку — техническое поражение 0:5 и штраф в двадцать миллионов рублей. Вы подставляете команду под финансовый крах.

Я сделала два шага вперед и оперлась обеими ладонями о стол перед Шаровым:

— Статья 42.1 Дисциплинарного регламента КХЛ, коллега. Обеспечительные меры вступают в силу исключительно с момента вынесения судебного акта государственного арбитражного суда. Ваше ходатайство лежит в канцелярии суда без движения — судья еще даже не открывал файл. Если инспектор Ковалев не подпишет протокол через четыре минуты, официальная жалоба в ФАС и Генеральную прокуратуру на картельный сговор уйдет прямо с моего планшета. А персонально вы, господин Ковалев, завтра утром навсегда лишитесь судейской лицензии за превышение должностных полномочий.

Ковалев тяжело сглотнул, взглянул на Шарова, но тот отвел глаза и уставился в стену. Дрожащими пальцами инспектор вставил смарт-карту в считыватель терминала. Секунда — и на мониторе статус семнадцатого номера сменился на изумрудный: ДОПУЩЕН К МАТЧУ.

— Электронный протокол подписан, — прохрипел чиновник.

В служебном коридоре мимо катили тележки с экипировкой. У выхода на площадку стоял Савелий Громов — главный тренер «Волков», легендарный советский защитник. Рядом с ним, возвышаясь на коньках, замер Марк в темно-синем свитере цвета полярной ночи с номером 17 и фамилией: СЕВЕРОВ.

— Допуск официально в системе, Савелий Петрович, — сказала я.

Громов с размаху припечатал тяжелую ладонь к широкому наплечнику Марка:

— Слышал, волчара? Адвокат свой рубеж отстояла кость в кость. Теперь твой черед рвать лед и доказывать, что ты стоишь этой фамилии!

Марк повернулся ко мне. Сквозь прозрачный визор его глаза полыхнули неукротимым, яростным пламенем. Он склонился ко мне на долю секунды:

— Это твоя победа, Тая. Сейчас я покажу отцу, чья кровь течет в моих жилах.

Под оглушительный рев сирены Северов первым выкатился на ледовое зеркало. Огромный медиакуб вспыхнул золотом: «№17, центральный нападающий Марк СЕВЕРОВ!». Десять тысяч глоток на трибунах взорвались восторженным ревом.

В VIP-ложе второго яруса замер Глеб Боголюбов. В окружении охраны, с телефоном у уха, миллиардер белел костяшками пальцев на полированных перилах, глядя, как рушится его план публичного унижения сына.

Свисток арбитра рассек воздух. Марк низко согнулся в центральном круге, выиграл первое вбрасывание — и бой начался.

Глава 2

К концу первого периода счет был 1:0 в пользу «Волков»: Марк на бешеной скорости продавил двух защитников у борта и ювелирной диагональной передачей вывел Лугового на бросок под перекладину. Трибуны ревели от восторга, когда в моем кармане завыл тревожный зуммер охранного контура бюро на Фрунзенской.

Я метнулась в служебный холл и развернула экран планшета.

Кованая решетка особняка была сорвана стальным буксировочным тросом тяжелого пикапа. На гранитном крыльце стояли шестеро бойцов ЧОП «Форпост» с гидравлическими ножницами и тяжелыми ломami. Руководил штурмом начальник службы безопасности Боголюбова Воропаев.

На экране появилось бледное лицо Полины из бронированной серверной:

— Таисия Сергеевна! Они высаживают дубовую дверь в приемную! Требуют архивы вашего отца и клиентскую базу! Я запустила аварийное шифрование!

— Держись, Полина! Не открывай ни при каких обстоятельствах! — бросила я, сбегая по служебной лестнице к машине. — Я буду через двенадцать минут! Я сейчас подниму дядю Юру по тревоге!

С визгом покрышек я вылетела на мокрый Ленинградский проспект. В радиоприемнике гремел взволнованный голос комментатора: «Тяжелейший силовой прием против Северова! Марка впечатывают в борт, вспыхивает массовая драка...». Марк насмерть бился за свое имя, а я летела сквозь снежную бурю, чтобы отстоять наш общий тыл.

Перед Крымским мостом образовался глухой затор. Включив аварийную сигнализацию, я выкрутила руль на разделительную полосу и понеслась по набережной навстречу летящим хлопьям снега.

Сначала я набрала дядю Юру, старого друга отца и ветерана хоккея. Он выслушал адрес и бросил: «Едем». Затем через гарнитуру я вызвала дежурную часть ГУ МВД:

— Говорит адвокат Воронова! Вооруженное нападение на адвокатское образование: Фрунзенская набережная, дом 14. Взламывают двери спецсредствами, угрожают сотруднику. Требую вооруженный экипаж полиции немедленно!

Когда седан с визгом затормозил у особняка, вековая дубовая дверь уже трещала под методичными ударами тяжелого лома.

Я выскочила на скользкий гранит, высоко подняв перед собой смартфон с включенным прямым эфиром на федеральный правовой портал:

— Воропаев! Лом на землю! Немедленно!

Нападающие замерли. Чоповец с ломом оглянулся на шефа. Воропаев медленно повернулся ко мне и сплюнул окурок на мраморные ступени:

— У нас судебное определение об обеспечении доказательств, Таисия Сергеевна. Отойдите, не доводите до греха.

— Ваше определение — фальсификация по 327-й статье! — я взбежала по ступеням и встала между острием лома и дверным косяком, закрывая вход собой. — Вход в адвокатское образование без постановления судьи по уголовному делу и без представителя палаты — самоуправство с насилием, статья 330. До семи лет тюрьмы каждому! Этот стрим прямо сейчас смотрят тысячи юристов и прокуроров. Сделайте еще шаг — сядете всей бригадой!

— Отойди от дверей, Воронова, если дорога жизнь, — глухо процедил старший группы, сжимая в руке стальной ломик и делая шаг на ступень выше.

Я намертво вцепилась побелевшими пальцами в холодные чугунные перила крыльца, выставив смартфон с прямой трансляцией на уровень глаз нападающего и закрывая вход в отцовский архив собственным телом.

И в этот миг ночную набережную сотряс низкий, громоподобный рев моторов. К тротуару с визгом подлетели три темно-синих микроавтобуса ветеранской ассоциации «Сухой лист». Боковые двери распахнулись, и на брусчатку выпрыгнули десять рослых мужчин в советских клубных куртках во главе с двухметровым седым богатырем — дядей Юрой:

— Что, шакалы, на женщин нападать научились?! — басом рявкнул ветеран, намертво перекрывая нападавшим отход. — Марк на арене за честь флага кровь проливает, а вы в спину бьете?! Стенка на стенку захотели?!

Амбал выронил лом, со звоном ударивший о ступени. Воропаев дернулся к карману куртки, но дядя Юра молниеносным захватом заломил его руку за спину так, что начальник СБ со стоном осел на ступени:

— Смирно стой, щенок. Доигрался.

С завыванием сирен на набережную влетели два экипажа полиции, озарив падающий снег сине-красными огнями. Через десять минут нападавшие уже сидели в спецмашинах в наручниках.

Полина выбежала на крыльцо и крепко обняла меня за шею:

— Таисия Сергеевна! Вы успели! Серверная комната цела, архивы в безопасности!

На экране в приемной продолжалась прямая трансляция из «Мегаспорта»: начинался третий период, счет ничейный — 2:2.

— Дядя Юра, — повернулась я к ветерану, — мне нужно срочно вернуться на Ходынку.

— Садись, Таюшка, — бросил старик. — Дорогу знаем, долетим!

* * *

Я влетела в чашу «Мегаспорта», когда звуковая волна десяти тысяч глоток буквально ударила мне в грудь.

Табло под сводами отсчитывало последние мгновения основного времени: третий период, 18:46. Счет ничейный — 2:2. «Волки» из последних сил отбивались в меньшинстве: Луговой отбывал двухминутный штраф.

Пробившись сквозь служебный проход первого ряда, я замерла у прозрачного заградительного стекла возле самого борта. Пальто нарастающую, дыхание сбито от бешеного бега по коридорам, но в мыслях звенела ледяная, абсолютная концентрация.

На лед выходило первое звено обороны. Свитер Марка под номером семнадцать был разорван на правом плече, над рассеченной бровью белел свежий пластырь, а по скуле тянулся подсохший кровавый след. Но в его мощной походке не было даже тени усталости.

Он катился к точке вбрасывания и вдруг наткнулся тяжелым взглядом на меня.

Я шагнула вплотную к стеклу, подняла вверх крепко сжатый кулак и изо всех сил крикнула сквозь шум арены:

— Тыл чист, Марк! Рви их!

Он прочитал мои слова по губам. Мощные желваки на его скулах окаменели. Он коротко кивнул мне, поправил визор и занял позицию на точке вбрасывания.

Свисток арбитра!

Шайба отлетела к синей линии. Защитник «Сибири» нанес сокрушительный щелчок со скоростью под сто пятьдесят километров в час. Вратарь «Волков» отбил перед собой — накалывающий форвард гостей уже замахивался клюшкой в пустой угол.

В эту долю секунды Марк без колебаний бросился под летящий бросок всем телом.

Глухой, страшный звук удара тяжелого каучука в ребра заставил арену ахнуть! Рухнув на колено от жестокой боли, Северов выбил шайбу кончиком клюшки на ход к чужой синей линии, мгновенно вскочил на лезвия коньков и на одном взрывном усилии рванулся в отрыв через всю площадку!

Секундомер таял: 0:24... 0:18...

Два габаритных защитника гостей неслись наперерез, пытаясь сбить его с ног. Один рубанул клюшкой по предплечью, второй врезался плечом у самого пяточка. Пот щипал рассеченную бровь, но он продавил обоих защитников могучим корпусом, на неуловимой паузе уложил вратаря на лед и с неудобной руки в падении подсек шайбу точно под перекладину!

КРАСНЫЙ ФОНАРЬ ЗА ВОРОТАМИ ВСПЫХНУЛ ЗАРЕВОМ!

3:2! ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СЕКУНД ДО КОНЦА!

Последнее вбрасывание, отчаянный навал гостей — и Луговой выбил шайбу к борту.

ФИНАЛЬНАЯ СИРЕНА!

Арена в едином порыве взлетела на ноги. Скамейка «Волков» с ревом перевалилась через борт, клюшки и краги полетели в воздух. Но Марк, сбросив перчатки и сорвав шлем, властным жестом отстранил партнеров и на коньках не спеша подъехал прямо к моему сектору.

Он вплотную прижался широкой вздымающейся грудью к плексигласу ограждения. Нас разделяли два сантиметра пластика. Горячее дыхание затуманило стекло, темные глаза горели диким светом триумфатора.

Марк медленно поднял правую ладонь в свежем окровавленном тейпе и с силой прижал ее к холодной поверхности стекла напротив моей груди:

— Это для тебя, Тая, — отчетливо прочитала я по его губам сквозь грохот ликующих трибун.

Я подняла свою руку и прижала раскрытую ладонь к стеклу с этой стороны, точно накрывая его кровавый отпечаток пальцами. Сквозь толстый холодный пластик я физически ощутила жар его тела и окончательно поняла: в эту ночь родился союз, который не сможет разрушить ни одна сила в мире.

* * *

Спустя сорок минут в полутемном медицинском кабинете пахло медицинским спиртом, хлоргексидином и свежей кровью. Клубный хирург накладывал ровные шелковые швы на рассеченную бровь Марка. Северов сидел на кушетке с обнаженным торсом — на его могучих ребрах наливался багровый след от заблокированного броска.

Я вошла в кабинет с судебным факсом:

— Господа победители, внимание! Сорок минут назад Арбитражный суд Москвы отказал холдингу «Боголюбов Металл» в аресте счетов бюро и трансферной карты игрока в полном объеме. Все претензии заморожены до рассмотрения иска по существу!

Врач присвистнул, а Марк поднялся во весь свой исполинский рост и сделал шаг ко мне. Его здоровая тяжелая рука властно и уверенно легла на мою талию, притягивая к себе почти вплотную:

— Мы забрали этот бой, адвокат, — негромко произнес он, глядя мне прямо в глаза.

— Закон на нашей стороне, Марк. Теперь их черед бояться.

В этот момент дверь кабинета с шумом распахнулась, и на пороге возник генеральный директор «Волков» Стрельцов со смартфоном в руке:

— Ребята, отставить шампанское. Час назад банковский консорциум по личному звонку Боголюбова заблокировал целевой счет клуба в банке «Столичный Капитал» на Новом Арбате. Первый транш подписного бонуса Марка полностью заморожен. Мы не можем выплатить ни рубля ни игроку, ни адвокатскому бюро.

Пальцы Марка на моей талии рефлекторно сжались, твердые, как стальные тиски.

Я медленно перевела дыхание. Мерный стук пульса в висках отозвался ледяным спокойствием в пальцах, уверенно захлопывающих замки рабочего кейса:

— Значит, завтра в девять утра мы лично заявимся в банк «Столичный Капитал», — спокойно и твердо сказала я своему форварду. — И заберем то, что принадлежит нам по закону и по праву.

Глава 3

Утреннее холодное солнце било сквозь гигантские тонированные витражи центрального отделения банка «Столичный Капитал» на Новом Арбате. Воропаев уже вышел из полиции под обязательство являться на вызовы; давление холдинга задержало дело, но запись нападения осталась у следователя и у нас. В VIP-зале пахло полированным гранитом, дорогой арабикой из кофемашины и холодным, стерильным кондиционированным воздухом.

Управляющий филиалом Грачев — лохотонный сорокалетний мужчина с золотыми швейцарскими часами на запястье и безупречно уложенным пробором — с притворным сочувствием развел пухлыми руками:

— Марк Глебович, Таисия Сергеевна, поймите наше положение. Сработал внутренний алгоритм системы финансового мониторинга по сто пятнадцатому федеральному закону. Платежное поручение на тридцать миллионов рублей — первый транш подписного бонуса от хоккейного клуба «Северные Волки» — временно приостановлено. До выяснения правового статуса средств и предоставления встречных гарантий от холдинга «Боголюбов Металл».

Марк, сидевший напротив него в глубоком кожаном кресле, медленно подался вперед. Его кулаки сжались на подлокотниках так, что костяшки пальцев побелели, а над правой бровью опасно натянулся свежий хирургический шов после вчерашней сечи с «Сибирью». В воздухе запахло грозой: Северов привык решать спорные вопросы на льду сокрушительными силовыми приемами, и сейчас он готов был переломить стеклянный стол надвое.

Я мягко, но властно опустила ладонь на его напряженное плечо:

— Марк, дыши. Оставь управляющего мне.

Я открыла свой рабочий планшет и выложила перед Грачевым распечатанный договор банковского обслуживания и выписку из реестра расчетных счетов КХЛ:

— Господин Грачев, вы держите клиентов за идиотов? Сто пятнадцатый закон регламентирует противодействие отмыванию доходов. Источник этих тридцати миллионов — специальный эскроу-счет Континентальной хоккейной лиги, прошедший полную антикоррупционную проверку три дня назад. А вот ваш входящий звонок на личный номер вице-президента холдинга Боголюбова в восемь часов сорок две минуты утра уже зафиксирован детализацией вызовов через оператора связи. Мой помощник только что приобщил ее к материалам адвокатского запроса.

Банкир заметно побледнел, пальцы с золотыми запонками судорожно дернулись к клавиатуре:

— Откуда у вас биллинг?.. Это банковская тайна!

— Банковская тайна не защищает соучастников коммерческого подкупа и злоупотребления полномочиями, — отчеканила я, глядя ему прямо в переносицу. — Либо вы проводите целевой платеж по безотзывному аккредитиву прямо сейчас, либо через двадцать минут официальное заявление о преступлении по двести первой статье Уголовного кодекса ложится на стол дежурного следователя Следственного комитета, а жалоба уходит председателю Центробанка. Выбирайте, управляющий: потерять теплое кресло и уехать на три года в колонию или выполнить законные требования клиента.

Грачев судорожно слотнул, бросил испуганный взгляд на нависшего над столом Марка и застучал по клавишам:

— Сейчас... Произошел программный сбой... Провожу в ручном режиме.

Через десять минут мы спустились в служебный депозитарий. Старший кассир за бронированным стеклом с сухим металлическим стуком припечатала гербовую печать к расходному ордеру: сумма была зачислена на персональный спецсчет Северова без ограничений.

Марк взял в руки банковскую выписку с остатком, взглянул на меня, и в глубине его темных глаз вспыхнуло неподдельное мужское восхищение:

— Ты настоящая хищница, Тая. Мой отец годами платит этим банкирам миллионы за поклоны, а ты сломала их за пять минут одной статьей закона.

— Закон острее любого топора, Марк, если знать, по какому суставу бить, — ответила я, пряча улыбку.

Через полчаса на Ленинградском проспекте, в кабинете генерального директора «Северных Волков» Стрельцова, пахло крепким табаком и свежей прессой. Руководитель клуба поднялся нам навстречу с широкой улыбкой:

— Таисия Сергеевна, дисциплинарный комитет лиги только что снял все претензии по заявке Марка. Регламентная чистота безупречна.

Марк подошел к столу и подписал платежное поручение со своего счета: пять миллионов рублей. Мой авансовый адвокатский гонорар, предусмотренный договором. Затем протянул мне банковское подтверждение:

— Это твое, Тая. До последней копейки. И это только начало нашего пути.

Я взяла подтверждение платежа пальцами. В груди разлилось теплое чувство глубокого облегчения: этот платеж закрывал полугодовую аренду особняка на Фрунзенской и гарантировал зарплаты всей аналитической группе Полины на год вперед. Наш тыл был обеспечен.

Когда мы вышли на высокое крыльцо клубного офиса, по Ленинградке пронесся колючий порыв осеннего ветра со снегом. Я невольно поежилась. Марк тут же расстегнул фирменный пакет, достал тяжелый клубный шерстяной шарф глубокого полуночно-синего оттенка с вышитым оскалом полярного волка и бережно, не спуская с меня глаз, обернул вокруг моей шеи. Его теплые пальцы на мгновение коснулись моей ключицы.

— Теперь ты официально часть нашей стаи, Тая, — тихо сказал он. — Никто больше не посмеет тронуть твоё бюро.

* * *

Сумерки над столицей сгущались быстро, затягивая небо серой пеленой. На проспекте Маршала Жукова вечерний поток машин полз с черепашьей скоростью.

Мы сидели в темном неприметном внедорожнике дяди Юры. В зеркале заднего вида я уже десять минут наблюдала за серым седаном с глухой тонировкой, шедшим за нами след в след на дистанции пятидесяти метров. Новые безопасники Боголюбова отчаянно пытались вычислить постоянное место ночлега Марка.

— Дядя Юра, — спокойно скомандовала я ветерану за рулем, сверяясь с навигатором. — Перед Живописным мостом на развилке уходим под эстакаду на нижний ярус. Там через тридцать секунд загорится стрелка на разворот под стрелу.

— Понял тебя, Таюшка, — ветеран усмехнулся в седые усы, резко нажал на газ и протиснул тяжелый джип в узкий карман съезда прямо перед радиатором тяжело груженого самосвала.

Серый седан замер в левом ряду, отрезанный потоком большегрузов, и остался позади. Хвост срезали чисто.

Тяжелые чугунные ворота с табличкой «Оздоровительная база ветеранов спорта СССР» в глубине Серебряного Бора открылись перед нами бесшумно. Машина нырнула в вековой сосновый бор. Здесь царила первозданная тишина: пахло сырой прелой хвоей, речным туманом и сладковатым печным дымом. Глухой сосновый заслон и бдительные дежурные у ворот надежно укрывали периметр от чужих глаз — береговую линию держали старые хоккеисты, знавшие каждый метр речного берега.

Марк вышел из машины, оперся на капот и глубоко вдохнул влажный сосновый воздух. Линии его жесткого лица смягчились:

— Мама привозила меня сюда мальчишкой, когда отец уезжал на свои приватизационные сделки... Она писала здесь этюды маслом на берегу. Я не был в этих соснах больше десяти лет.

Двухэтажный сруб общества «Сухой лист» пах сухим смолистым бревном, мятой и заваренным в медном самоваре чабрецом. На стенах каминного зала висели подлинные черно-белые снимки советских суперсерий: легендарные защитники, переломанные клюшки, ледовые баталии полувековой давности.

Навстречу нам вышли Степаныч с горячим чугуном томленной рыбы и Палыч, дежуривший у коротковолновой рации.

— Маркуша, живой! — Степаныч стиснул парня в медвежьих объятиях, осторожно обходя травмированное плечо. — А вам, Таисия Сергеевна, низкий поклон от всей старой гвардии. В этом доме вы отныне своя.

На втором этаже, в уютной комнате с видом на темнеющие верхушки сосен, я развернула защищенный ноутбук и материалы дела. Марк поставил рядом кружку с душистым чаем:

— Хватит строчить иски, Тая. Ты не спала полтора суток. Ложись на диван, я протоплю камин.

— Закон не ждет, форвард, — возразила я, отпивая глоток горячего настоя. — Через три дня арбитраж рассматривает спор о правах. Если мы не найдем уязвимость в твоём юношеском контракте с «Леопардами», нас засыплют апелляциями.

Марк молча накинул на мои плечи плед и спустился вниз.

Через час я спустилась к камину. Березовые поленья мерно потрескивали, рассыпая по кирпичной кладке золотые искры. В комнате стоял теплый янтарный полумрак. Марк сидел прямо на полу у огня, вытянув длинные ноги.

Я опустилась в кресло напротив, чувствуя, как накопленное напряжение наконец отпускает тело.

— Почему ты взялась за мое дело, Тая? — негромко спросил он, глядя в пляшущее пламя. — Отец предлагал тебе любые деньги за отказ от защиты.

— Мой отец однажды уступил давлению сверху и не стал защищать невиновного тренера. Потом он корил себя за это до последнего дня, — тихо призналась я. — Я дала себе слово, что ни один человек с деньгами не заставит меня предать профессию. И ты — не мажор, Марк. Ты дерешься честно.

Марк поднял глаза. В отблесках огня его суровый профиль казался высеченным из камня, но в глубине темных зрачков отразились живые языки пламени, смягчая резкие черты лица. Он протянул широкую ладонь и бережно накрыл мои пальцы своими. От этого прикосновения внутри разлилась теплая, уверенная сила.

Глава 4

Поздним вечером мы покинули базу на том же ветеранском внедорожнике. Марк отвез дядю Юру в мастерскую и с его разрешения оставил машину у себя. К двум часам ночи он привез меня к моему дому на Ходынском бульваре. На подземной парковке было безлюдно.

Когда он заглушил мотор внедорожника и повернулся ко мне, я заметила, как он поморщился, едва сдерживая гримасу боли. Край марлевой повязки над правой бровью потемнел от выступившей сукровицы, а пальцы правой руки рефлексивно потянулись к ноющему плечу.

— Марк, повернись к свету, — потребовала я.

— Ерунда, Тая. Обычная спортивная ссадина, — глухо отозвался он, пытаясь отмахнуться. — Завтра само затянется.

— Ты идешь наверх. Прямо сейчас, — безапелляционно отрезала я. — У меня дома аптечка со спортивными антисептиками. Ты не выйдешь на следующую игру с нагноением лицевого шва.

На двадцатом этаже в моей квартире стояла чуткая ночная тишина. Через гигантские панорамные окна гостиной открывался головокружительный вид на сияющий купол «Мега-спорта».

Я проводила Марка в просторную ванную комнату, залитую мягким матовым светом.

— Снимай лонгслив, — сказала я, доставая из шкафчика стерильные салфетки, флакон с хлоргексидином и эластичные бинты.

Марк на секунду замешкался, затем стянул через голову темно-серую ткань. Я невольно затаила дыхание. Передо мной стоял атлет с телом античного гладиатора — широченная спина, рельефные жгуты мышц пресса и груди, покрытые росчерками старых ледовых шрамов. На правом плече и ключице расплывался тяжелый, темно-багровый кровоподтек от вчерашнего столкновения у борта; ниже, на ребрах, темнел след заблокированной шайбы.

— Садись на край тумбы, — мой голос прозвучал тише, чем я хотела.

Марк послушно опустил плечи, оказавшись чуть ниже меня. Я встала между его разведенных коленей. Его горячее дыхание коснулось открытой кожи моей шеи, заставив сердце ускорить свой бег.

Смочив салфетку раствором, я предельно осторожно промокнула край рассечения на брови. Марк сжал зубы, его сильные ладони машинально легли мне на бедра, сжимая плотную ткань брюк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.